

ВИКТОР МАЛІКОВ

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ИСТОРИИ

ЗАЛЕСЬЯ

КРЕЩЕНСКИЙ ПОДКИДЫШ

Виктор Маликов

Крещенский подкидыш

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70603450

SelfPub; 2024

Аннотация

«Крещенский подкидыш» – заключительный рассказ авторского цикла «Рождественские истории Залесья». Праздник Крещения в Залесье для главного героя, крестьянина Добромира, оборачивается удивительным и незабываемым приключением: в узелке, подброшенном на порог его избы, он неожиданно обнаруживает живого детёныша Змея-Горыныча... Добромиру и его тётушке Марье, местной ведуньи, ничего не остаётся, как совершить увлекательное и полное опасностей путешествие по возвращению детёныша в родные земли.

Виктор Маликов

Крещенский подкидыш

Страшные вечера в Залесье подходили к концу.

В то время, как в небесных чертогах высшие Боги закрывали врата междумирья, внизу, на Земле, наступило время Великого Водокреса.

И хотя мороз в эту пору, как всегда, лютовал не на шутку, деревенскому люду, во всю готовившемуся к большому празднику водосвятия, он отнюдь не был помехой.

Увлеченные праздничной суетой крестьяне ничуть не удручались этому обстоятельству, и даже более того казались, ещё восторженнее радовались его «пробирающей до кости» колючей нежности.

Чего уж точно нельзя было сказать о всякой демонической братии, неизбежно и болезненно теряющей в эти дни свои злобные силы.

Их время вышло. Боги, люди, сама матушка природа, как могли, усердно спроваживали их обратно. Туда, где вплоть до следующего Рождества отведено им было самое что ни на есть «жаркое» место.

Они уходили длинной, извивающейся, словно огромная серая змея, вереницей, для простого людского взгляда абсолютно невидимой.

Шли, поспешая, поджигая хвосты, тщедушно дрожа от страха и нестерпимого холода, настороженно озираясь по сторонам, зло скалясь, рыча и огрызаясь, покидали они ненавистный, и в то же время такой податливо-лакомый на греховные соблазны человеческий мир.

Были среди них и такие, что любыми правдами и неправдами пытались в этом мире задержаться. Разбегались кто куда, и прятались, в надежде где-нибудь незамеченно отсидеться и, переждав в укромном месте великое изгнание, продолжить чинить свои бесовские козни.

Именно в такой знаменательный день, и случилась в Залесье, следующая история.

Давно говорят, это было. Отправился как-то поутру вдовый крестьянин Добромир, к проруби, на Водокресный ход.

Сам окунулся на здравие, да с собой водицы живительной набрал. Избу и подворье окропить, животину какую было домашнюю, дабы наперёд от возможных бед и напастей оградиться.

Стал углы в избе той водой опрыскивать. Три угла обошёл, как ни в чем, ни бывало, а в четвёртом... Как взвоят что-то невидимое, как завихрится и к выходу. Чуть было с ног Добромира не сшибло, и сквозняком на улицу, да так дверьми хлопнуло, что на припечке чугунные котелки с испугу подпрыгнули.

– Чур, меня, чур! – Почурался крестьянин. – Ни как ан-

чутка в углу прятался? Ишь ты, поганец чего удумал! Беги, беги, чтоб тебя удалыцы-молодцы конями потоптали! – скрутил кукиш в след удалившемуся злыдню Добромир.

И вдруг заметил, лежит, у порога, узелок, грязный, засаленный весь, а в узелке том шевелится что-то.

Взял Добромир кочергу у печи и давай ею осторожно узелок толкать.

Узелок возьми да и развяжись, а в нём... Змей-Горыныч, как есть, самый настоящий, о трех головах, с хвостом, с крыльями, только чуть поменьше котёнка.

Добромир так и опешил.

– Ну, и дела...?! – Сдвинув на лоб шапку, почесал он затылок. – Только Змей-Горынычей мне тут не хватало.

Замахнулся было кочергой, прихлопнуть Горыныча, да остановился.

Горыныч, малой совсем, несмышлёный, сжался в комочек, глазёнками испуганно хлопает и пищит жалобно.

Сердце у Добромира большое, доброе, жалко ему стало Горыныча.

– Вот оказия. Что ж мне делать-то с тобой, горемычный? – подбирая с пола змеиноного детёныша произнёс Добромир.

– Ой – ёй! Да ты, видно, озяб совсем! Ладно, посиди пока, отогрейся.

Устроил Добромир Горынычу на печи гнездо из старой шапки, усадил его туда, а сам на двор пошёл хлопотать по хозяйству.

В избу воротился ближе к обеду. Заглянул в шапку, а Горыныч свернулся клубочком, спит, посапывает.

Заварил Добромир толокно в печи, молока в крынку нацедил, хлеба краюху отрезал, собрался обедать. Слышит, запищал Горыныч в шапке, во все три голоса.

– Ну, змей болотный, проголодался? – шутя, поинтересовался Добромир, вынимая Горыныча из гнезда.

– Пошли за стол, угощу, чем богат. Не знаю я, конечно, чем там тебя мамка дома кормит, а у меня вот молоко да каша.

Кинулся, было, Горыныч к миске с кашей. Тремя носами в кашу ткнулся, отведал, замотал головами, зафыркал, и есть не стал. А вот молока парного целых три миски вылакал! Насытился, сел у миски, лапки на пузо сложил и смотрит вопрошающе на Добромира, словно спрашивает: «Чего мол, мил человек, дальше делать будем?».

Посидел Добромир, подумал.

– Оставлять тебя здесь никак нельзя, узнает кто, прихлопнут сразу, только мокрое место и останется. Да и родные тебя, поди уже давно ищут. А мы вашего брата хорошо знаем, в деревню нагрянут, разбираться не станут, сожгут тут всё в головешки и улетят восвояси. Эх! Где наша не пропадала! – Приняв решение, хлопнул себя ладонью по бедру Добромир. – Свезу-ка я тебя в лес к тётушке-ведунье. Может, подскажет чего путного.

Запряг лошадь в дровни, сам в них уселся. Горыныча за

пазуху сунул, и потрянул вожжами.

– Но! Пошла, родимая!

А лес в эту пору не лес – загляденье! Небо как море синее, чистое, ни облачка. Солнце большое, яркое, на землю глядит, улыбается, и белым-бело всё вокруг, так, что аж глаз режет. Сосны да ели-невесты, в шубы снежные нарядились, вдоль дороги стоят, переглядываются, будто ожидают кого-то важного, из столицы. И тишина... Только снег под полозьями скрипит.

Не прошло и часа, как показалась впереди затерявшаяся среди леса одинокая тётушкина изба. Редко кто сюда по своей воле захаживал, ни следов, ни тропинок, лишь большая сова на коньке дремлет, да густой дым из трубы поднимается.

Постучал Добромир в дверь.

– Кто там? – послышался тётушкин голос.

– Тётушка Марья, отвори. Это я, Добромир, племянник твой, из Залесья.

– А, племяш, – приоткрыв дверь и выглянув в щелку, произнесла тётушка. – Входи, присаживайся, сбитня отведай, сварила только.

– Знаю, знатный у тебя сбитень, тётушка. Да только некогда мне его распивать, ты уж прости. За советом к тебе приехал. Ты ведь не в обиду сказано, в потусторонних делах как никто другой сведуща, подскажи, будь добра, что мне вот с этим делать? – спросил Добромир, извлекая из-за пазухи

широкой овчинной шубы малого Горыныча.

Тетушка Марья сплеснула руками.

– Вот те раз! А я-то думаю, чего на той стороне змеиное племя так переполошилось. С ночи лютуют ироды, туда, сюда мечутся, чуть ли не стаями. Ты где его взял, соколик? – поинтересовалась старуха.

– Похоже, анчутка выронил. Я водицей водокресной в избе кропил, он и драпанул восвояси, а этого вот в узелке на пороге оставил.

– Ах, он паршивец, у самого старшего змея детёныша выкрал! Ворочать змеёныша нужно немедленно, иначе беды не миновать.

– Вот и я о том же. Может, дорогу подскажешь?

– От чего не подсказать?! Только вот добраться туда просто так, своим ходом, не получится, кто туда уезжал, ни один еще обратно не возвращался. Места там больно глухие, гиблые.

– И что делать?

– Ничего! С тобой поеду! Есть у меня одна мыслишка, как путь сократить. Пошли, подготовиться нужно.

Вышли они на улицу. Оглядела тётюшка Марья поляну, выбрала подходящее место. Приказала Добромиру глаза лошади завязать, чтобы ничего не видела и не испугалась раньше времени. Ему самому в дровни велела сесть. Чуть выше лошадиного роста, натянула меж двух берёз в два слоя шёлковую нить и принялась осторожно на неё воду лить из ков-

шика. Вода густая, меж нитей тонкой пленкой на снег потекла, и тут же на морозе в лёд превращаться стала. Тётушка Марья лила воду до тех пор, пока меж берёз во всю ширину не образовалось тонкое и почти прозрачное ледяное зеркало. Покончив с этим, она, тщательно приминая ногами снег, обошла три раза вокруг саней, непрестанно шепча себе что-то под нос и очертив таким образом большой круг, залезла в дровни.

– А теперь племяш гони, что есть мочи, сквозь этот лёд! Да не вздумай в нём остановиться, а не то так и сгинем в вечности. Как проскочим, осадил лошадку так, чтоб стояла, как вкопанная! Всё понял? – Добромир кивнул. – Вроде ничего не забыла. Ну чего застыл, соколик? Погнали!

Добромир взмахнул хлыстом и со свистом, рассекая воздух, стеганул им лошадь. Со звоном разлетелось на мелкие осколки ледяное зеркало, мелькнула сбоку берёза, и опытный возница тут же осадил вожжи.

Лес вокруг сильно переменился. Затянутые туманной дымкой мрачные и безжизненные деревья, никогда не видевшие солнца, застыли безмолвными истуканами в устрашающих, загадочных позах, скрученные и изувеченные какой-то неведомой силой.

– Ну, вот и приехали! – сообщила тётушка, – Лошадь здесь оставь, она нам пока без надобности, привяжи вон к тому деревцу. Тут уж идти совсем недалече, но чем тише, тем сподручнее. Погоди, только памятку оставлю.

Позади саней, где первый след от полозьев остался, процертила она корягой на снегу ровную линию, порошок какой-то над ней распылила, слова мудрёные прошептала.

– Пошли, готово.

Привязал Добромир лошадь там, где тётушка указала, сена охапку положил, и направились они в ту сторону, где угадывались в просвете меж мертвых деревьев тёмные очертания горных вершин.

Через полторы версты лес неожиданно закончился, и путники оказались на самом краю каменной гряды, резко обрывающейся широкой бездонной пропастью, со дна которой поднимался ввысь, густой, нестерпимый смрад.

– Ну и вонища! – прикрыл рукавицей нос Добромир, и тут же почувствовал, как за пазухой оживился змеёныш.

– А ты как думал? Вот оно, змеиное царство, – широко развела руками в стороны тётушка. – Камень возьми побольше, да вниз бросай. Они этого не любят, живо явятся.

Поднял Добромир с земли пудовый камешек и швырнул его в пропасть. В ответ на это послышались снизу повторяющиеся гулким эхом взмахи чьих-то огромных крыльев. И уже через миг поднялся над зловонной бездной, пышущий пламенем из ноздрей, огромный чёрный Змей. Его большие, горящие злобой зелёные глаза смотрели прямо в самые души непрощенных гостей, так что, казалось, кровь в жилах стынет. Одновременно все его три головы громогласно рявкнули.

– Кто посмел?! Уничтожу!

– погоди, батюшка гневаться, рано нам ещё помирать, – отвешивая земной поклон, первой ответила Змею тётушка Марья и, толкая локтем в бок остолбеневшего Добромира, еле слышно прошептала: – Змеёныша доставай, пора уже.

Опомнившись, вытащил Добромир из-за пазухи Горыныча младшего и, держа на ладонях, протянул его грозному родителю.

– Мы, собственно, вот, вернуть хотели. Анчутка подобрал давеча.

На мгновение в глазах Змея промелькнула нежность. Громадной когтистой лапой он осторожно взял детёныша с рук Добромира. Змеёныш, почуяв родную кровь, ласково прижался к родительской лапе.

Змей-Горыныч старший вплотную придвинул одну из своих голов к путникам и вкрадчивым голосом произнёс.

– Откусить бы вам головешки... Да не за что! Ха, ха, ха! Прощайте! – залившись громким смехом, нырнул он в темноту бездонной пропасти, унося в родные пенаты возвращённого наследника.

– И всё?! – спросил у тётушки Добромир.

– Не принято у них благодарить, гордыня не позволяет, пояснила тётушка. – Пойдём уже, дотемна успеть нужно, а то никогда домой не воротимся.

Направились они обратно, в сторону леса, как вдруг за спиной у них раздался чей-то властный оклик.

– Эй, вы!

Путники обернулись.

– Вот, возьмите. Старшой передал, – кладя на землю нечто блестящее, произнёс невесть откуда взявшийся, красный дракон, после чего взмыл высоко в небо и, описав там петлю, нырнул вниз головой в смердящую пропасть.

Добромир присел на корточки, разглядеть неожиданный подарок.

– Ну и ну! – подивился он увиденному.

– Чего там? – любопытствовала тётушка, пытаясь и так, и этак рассмотреть Горынычев подарок из-за широких плеч Добромира.

– Да вот камень какой-то диковинный, – продемонстрировал ей Добромир, пылающий внутренним голубым светом булыжник чуть крупнее куриного яйца.

Увидев камень, тётушка Марья быстро накрыла его суконной тряпицей и, настороженно озираясь по сторонам, распорядилась.

– В карман его сунь, не отсвечивай. Нечего внимание всякой шушеры привлекать, не простой это камешек.

Вскоре подошли они к тому месту, где свою лошадь оставили. А от лошади... Только белые косточки на снегу и остались, да следы волчьих лап повсюду.

– Ох ты, батюшки! Лошадушка, моя милая! Как же это так получилось?! – запричитал Добромир.

– Не горюй, племяш, такова она – плата за проход, кого-то

одного обязательно оставить надо. Пусть уж лучше это лошадь будет, чем кто-то из нас двоих, – утешила Добромира тётушка.

– Так ты что, всё это заранее знала?! – спросил Добромир. – Почему мне не сказала?

– А чтобы ты сделал? – парировала тётушка, – Молись, что сами живы остались. Камень давай быстрее, колдовать буду, пока волки не вернулись.

Отдал Добромир тётушке камень, а сам оглоблей от саней вооружился и позади неё на страже встал. Потому как волки, почуяв новую добычу, уже возвращались. Совсем недалеко, в сумраке лесной чащи, отчетливо угадывались яркие огоньки их алчущих глаз.

Тётушка Марья вынула камень из тряпицы и установила его в самый центр линии, что позади саней прочертила. Засиял Горынычев камень мягким лунным светом. Вынула тётушка огниво из кармана, пошептала над ним чего-то, и давай из него на камень искры высекать. Только первая искра камня коснулась, как пыхнул он вверх ослепительным столбом голубого пламени и тут же погас. А от вспышки этой стал над камнем воздух плавиться, будто тлеющим поленом его прожигали. Образовавшееся пятно росло в размерах до тех пор, пока ширина его не сравнялась с краями начерченной под ним линии, а само оно не стало похоже на большое вертикально стоящее ледяное кольцо, внутри которого сиял яркий солнечный свет.

– Сюда, быстрее, пока не схлопнулось! – подозвала к себе Добромира тётушка Марья. – Оглоблю-то выбрось, соколик! На три шагаем внутрь! Приготовились, и...

Тётушка начала отсчёт, и на счет три они оба одновременно шагнули внутрь этого кольца, в тот же миг, чудесным образом оказавшись на поляне родного леса около тётушкиной избы. Кольцо позади них быстро уменьшилось в размерах до малюсенькой точки и, издав легкий мелодичный звон, бесследно исчезло.

– Вот и справились, – обрывая с берёз шёлковую нить, заключила тётушка, – До заката ещё время есть, поезжай домой, пока солнце не село, а мне отдохнуть надо, много сил колдовство отбирает.

– И на чём же, извиняюсь, спросить я поеду? – развёл руками Добромир.

– Не беда, сейчас устроим, – ответила тётушка. Повернулась к избе, два пальца в рот заложила, да как свиснет помолодецки. Сова на крыше встрепенулась, с конька взлетела и камнем о землю ударилась. Только брызги снега во все стороны и полетели, а на том месте, где она в землю вошла, выросла, словно из-под земли, настоящая гнедая лошадь.

– Вот, получай кормилицу! – передала тётушка Добромиру наколдованную лошадь. – Сто лет прослужит, а дровни себе новые, сам смастеришь, голова у тебя светлая, да и руки откудова надо растут.

Распрощался Добромир с тётушкой, на лошадь верхом

вскочил и домой, в Залесье, помчался.

Что правда, что вымысел в этой истории, кто теперь знает? Да только змеи огнедышащие, с той поры, на Русь более никогда не летали, и бед страшных не чинили.

Выходит, что и у чистого зла какие никакие чувства всё же имеются. Такие вот чудеса творит – доброта человеческая!